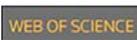

Информация для цитирования:

Захарова В. Т. Проза писателей русского Зарубежья (В. А. Никифоров-Волгин, И. А. Бунин, Б. К. Зайцев) в контексте религиозно-философской мысли И. А. Ильина / В. Т. Захарова, И. С. Кудрявцева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 5. — С. 269—293. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-269-293.

Zakharova, V. T., Kudryavtseva, I. S. (2023). Prose of Russian Emigration Writers (V. A. Nikiforov-Volgin, I. A. Bunin, B. K. Zaitsev) in Context of Ivan Ilyin's Religious-Philosophical Thought. *Nauchnyi dialog*, 12 (5): 269-293. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-269-293. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-269-293

**Проза писателей
русского Зарубежья
(В. А. Никифоров-Волгин,
И. А. Бунин, Б. К. Зайцев)
в контексте религиозно-
философской мысли
И. А. Ильина**

Захарова Виктория Трофимовна *

orcid.org/0000-0001-6871-1368

доктор филологических наук,
профессор,

* *корреспондирующий автор*
victoriazaharova95@gmail.com

Кудрявцева Ирина Сергеевна

orcid.org/0009-0001-0026-1046

магистрант, кафедра русской
и зарубежной филологии
irinaserg.work@gmail.com

Нижегородский государственный
педагогический университет
имени Козьмы Минина
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена при финансовой
поддержке РФН в рамках
научного проекта № 23-28-00966,
<https://rscf.ru/project/23-28-00966/>

**Prose of Russian Emigration
Writers (V. A. Nikiforov-
Volgin, I. A. Bunin,
B. K. Zaitsev) in Context
of Ivan Ilyin's Religious-
Philosophical Thought**

Viktoria T. Zakharova *

orcid.org/0000-0001-6871-1368

Doctor of Philology, Professor,

* *Corresponding author*
victoriazaharova95@gmail.com

Irina S. Kudryavtseva

orcid.org/0009-0001-0026-1046

Master's degree student, Department
of Russian and Foreign Philology
xiongh@sjtu.edu.cn

Minin Nizhny Novgorod
State Pedagogical University
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-00966,
<https://rscf.ru/project/23-28-00966/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Авторы статьи ставят цель ввести в контекст религиозно-философской мысли виднейшего философа русского Зарубежья И. А. Ильина прозу И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, В. А. Никифорова-Волгина. Новизна исследования заключается в выявлении типологической соотнесенности представлений философа о сущностных чертах национального характера, проявляющихся в стремлении к совершенству, с художественным мирозерцанием русских писателей, осмыслявших жизнь России в эпоху социальных катаклизмов. Введение недостаточно исследованного феномена творчества В. А. Никифорова-Волгина в ареал прозы известных авторов тоже относится к аспектам новизны работы. Проведенный анализ позволил убедиться, что писатели проникновенно раскрыли на примере различных жизненных обстоятельств, часто критических, способность людей, независимо от сословия, возраста, проявлять черты христианского милосердия, самоотверженности. Существенна и способность человека жить, несмотря ни на какие внешние обстоятельства, с ощущением света христианской веры и передавать это чувство другим. Деяния, основанные на «добродетели сердца и совести» — эти наиболее ценные, по мысли И. А. Ильина, жизненные начала — многогранно проявились на страницах представленных произведений.

Ключевые слова:

религиозно-философская мысль; И. А. Ильин; проза русского Зарубежья; И. А. Бунин, Б. К. Зайцев; В. А. Никифоров-Волгин.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The authors of this article aim to contextualize the religious-philosophical ideas of the prominent philosopher of Russian emigration, Ivan Ilyin, with the prose of Ivan Bunin, Boris Zaitsev, and Vladimir Nikiforov-Volgin. The novelty of the research lies in identifying the typological correlation between Ilyin's ideas about the essential characteristics of national character, manifested in the pursuit of perfection, and the artistic worldview of Russian writers who interpreted life in Russia during periods of social upheaval. The introduction of the insufficiently studied phenomenon of Vladimir Nikiforov-Volgin's creative work into the field of prose by well-known authors is also an aspect of the novelty of this work. The analysis confirms that the writers perceptively revealed, through various life circumstances, often critical, the ability of people, regardless of their social status or age, to exhibit traits of Christian mercy and selflessness. Equally significant is the ability of individuals to live with a sense of light from Christian faith, despite external circumstances, and to transmit this feeling to others. Actions based on "virtues of the heart and conscience" — these most valuable principles of life according to Ilyin's thought — are multifacetedly reflected on the pages of the works presented here.

Key words:

religious-philosophical thought; Ivan Ilyin; prose of Russian emigration; Ivan Bunin, Boris Zaitsev; Vladimir Nikiforov-Volgin.

Проза писателей русского Зарубежья (В. А. Никифоров-Волгин, И. А. Бунин, Б. К. Зайцев) в контексте религиозно-философской мысли И. А. Ильина

© Захарова В. Т., Кудрявцева И. С., 2023

1. Введение = Introduction

Изучение национального художественного сознания в соотнесенности с философской мыслью во все времена является значимой методологической проблемой. В истории отечественной словесности с древнейших времен обнаружилась глубокая взаимосвязь с религиозно-философским мышлением.

Начало XX века, как известно, стало для России настоящим религиозно-философским Ренессансом; в трудах таких ярких отечественных мыслителей, как о. Сергей Булгаков, о. Павел Флоренский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и др., ставились проблемы, онтологическая значимость которых велика и в настоящее время. Продолжением и развитием этого научного потенциала после революции стала философия русского Зарубежья: в изгнании пришлось продолжать свою деятельность многим выдающимся мыслителям, — вспомним, к примеру, знаменитый «философский пароход». В прошедшем году исполнилось 100 лет со времени высылки из Советской России многих замечательных русских мыслителей, среди которых были и названные выше (кроме о. Павла Флоренского, погибшего на Соловках), и И. А. Ильин. В Русской христианской гуманитарной академии им. Ф. М. Достоевского по этому поводу были проведены международные Чтения.

В данной статье ставится цель ввести в контекст религиозно-философской мысли виднейшего философа русского Зарубежья И. А. Ильина прозу И. А. Бунина, Б. К. Зайцева, В. А. Никифорова-Волгина.

И. А. Ильину (1882—1954) принадлежит множество вдохновенных трудов, посвященных проблеме национального характера, русской веры. Верно определил роль Ильина в истории отечественной философии Ю. Т. Лисица: «Он — “стратегический философ”, учитель будущих поколений, по крайней мере, как исследователь русского национального духовного характера, подаривший нам фундаментальный труд “Сущность и своеобразие русской культуры”...» [Лисица, 2007, с. 5—17].

Полагаем, что эта книга русского философа [Ильин, 2007, с. 15—435], а также его работа «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» [Ильин, 2019] наиболее проникновенно и полно раскрывают сущностные черты национального характера, обнаруживающиеся в стремлении к нравственному совершенству, в проявлении высших христианских добродетелей. Выделим в этих трудах лишь некоторые концептуально важные для наших размышлений положения.

Одним из ключевых понятий-образов (Ильин обладал удивительно образным мышлением) у философа является сердце. Ильин рассуждал так: «Умного человека в России почитают, перед волевым склоняются, фантазерам дивятся, но более всего любят человека сердечного, а если он к тому же совестливый, то его почитают превыше всего как своего рода святого, или, в понимании русских, как сосуд Божий» [Ильин, 2007, с. 39]. Размышляя о русской добродетели, философ пишет: «...это добродетель *сердца и совести*. Здесь все основано не на “проклятых долге и обязанности”, не на принудительной дисциплине или страхе греховности, а скорее на свободной доброте и на несколько *мечтательном, порою сердечном созерцании*. Сердечная доброта, сострадание, дух самопожертвования и определенное стремление к совершенству играют здесь решающую роль» (курсив источника. — В. З., И. К.) [Там же, с. 4].

Глубоки мысли И. А. Ильина о присущем русскому человеку стремлении к совершенству. Это стремление философ разъясняет многосторонне, порой с парадоксальными примерами, но всегда — с высшей «христианской меркой»: «И даже тогда, когда русский человек пребывает в тяжких страданиях, погрязнет в алкоголе или становится профессиональным бандитом, он едва ли забудет свою национально-христианскую *мечту о совершенстве*. Она проявляется во всем — от народных сказок и песен до романов, от народных верований до политических учений, от простого раскольника до владетельного князя» (курсив источника. — В. З., И. К.) [Там же, с. 41]. Реализуется такая мечта, как напоминает ученый, в двух ипостасях — «праведник» и «подвижник» [Там же, с. 43].

Предпримем попытку соотнести эти выделенные философом черты национального характера с примерами из прозы русских писателей, выделенных нами в определенный типологический ряд.

В истории русской литературы имеется богатейший фонд примеров образов праведников и подвижников, представляющий национальное культурное богатство. Начиная с памятников древнерусской литературы: житий, летописных сказаний, сквозь всю историю русской литературы Нового времени — протягивается в нашей современности драгоценная цепь примеров «живой жизни» этих образов в национальном бытии. Полагаем,

для полноты понимания внутренних законов развития литературного процесса важно обнаруживать примеры, свидетельствующие о притяженности национального самосознания к таким идеальным ипостасям русского характера.

В трудах современных И. А. Ильину философов русской эмиграции (их имена упомянуты нами выше) тоже было уделено серьезное внимание проблеме национального характера в его позитивных константах, но опыт осмысления национально-христианской *мечты о совершенстве* в трудах И. А. Ильина представляется особенно ценным и значимым.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В современном литературоведении интерес к проблеме соотносительности православной философии и художественной литературы обозначен весьма убедительно [Есаулов, 1995; Есаулов, 2004; Дунаев, 2002; Любомудров, 2003; Шешунова, 2006; Кошемчук, 2009; Захаров, 2012; Ничипоров, 2019; Захарова, 2023]. Однако до исчерпанности этой темы еще далеко. В данном контексте произведения избранных нами авторов не рассматривались.

Объектом исследования служат рассказы И. А. Бунина «Птицы Небесные» (1909), «Лапти» (1926); рассказы Б. К. Зайцева «Путники» (1916), «Странное путешествие» (1926), рассказы В. А. Никифорова-Волгина 1920-х годов «Молитва», «Максим Каменев», «Сумерки» и повесть «Дорожный посох».

Изучать И. А. Бунина и Б. К. Зайцева сегодня — это отдавать отчет в существовании огромного пласта научно-исследовательской литературы. Ее обзор — дело масштабного исследования. Мы здесь привлекаем лишь отдельные имена. Заниматься проблемой, обозначенной нами, литературоведы, освещавшие творчество этих писателей, не ставили своей задачей. Что касается творчества В. А. Никифорова-Волгина, то это имя еще нуждается в полномесном научном осмыслении. На сегодняшний день уже накоплен весьма ценный потенциал исследовательских работ, среди них диссертация А. С. Конюховой «Творчество В. А. Никифорова-Волгина: поэтика сюжета и типология героев», где исследуется непосредственно творчество В. А. Никифорова-Волгина [Конюхова, 2021], и диссертация О. Лапко «Художественное воплощение наставничества в русской прозе 1920—1930-х годов», где одна глава посвящена образу странника в произведениях В. А. Никифорова-Волгина [Лапко, 2009]. Исследовательские статьи, посвященные творчеству писателя, будут привлечены нами в соответствующей главе.

В нашей работе использовались типологический, сравнительно-исторический, историко-генетический методы исследования.

3. Результаты исследования = Results and Discussion

3.1. Соотнесенность воззрений И. А. Ильина и творчества И. А. Бунина

В прозе русской эмиграции первой волны можно обнаружить много созвучий идеям И. А. Ильина, высказанным им в труде «Сущность и своеобразие русской культуры» и связанным с постижением идеальных начал национального характера. Обратимся к некоторым примерам из творческого наследия И. А. Бунина, в которых проникновенно раскрываются в образах русских людей черты милосердия, способности к самопожертвованию ради ближнего. Его творчество, как одного из самых значительных русских художников XX столетия, привлекало и всегда будет привлекать к себе внимание читателей и исследователей. Это — классика, национальное достояние. Не имея возможности в рамках данного материала осветить вклад ученых в исследование философского контекста творчества Бунина, позволим себе опереться лишь на самые концептуальные моменты в процессе нашего небольшого исследования. Предваряя его, заметим следующее. Известно, что И. А. Ильин в своей известной книге «О тьме и просветлении» (1959) весьма противоречиво оценивал творчество И. А. Бунина. С одной стороны, он утверждал, что творчество писателя — «последний дар русской помещичьей усадьбы, дар ее русской литературе, России и мировой культуре», с другой, философ видел в произведениях Бунина более всего внимание к «мраку и хаосу» в человеческой душе [Ильин, 1959, с. 29, с. 77].

Подобная односторонность восприятия И. А. Ильиным творчества И. А. Бунина аналитически осмыслена современным исследователем Е. А. Подмаревым [Подмарев, 2011]. Полагаем, назрела необходимость показать присущие творчеству И. А. Бунина мирозерцательные доминанты, весьма созвучные идеям философа, сумевшего убедительно обосновать именно те черты национального самосознания, которые выводили человека из мрака и хаоса к Свету.

В 1909 году Буниным был написан рассказ «Птицы небесные» (первоначальное заглавие — «Беден бес»). Он представляет собой яркий пример удивительной способности Бунина локальный конфликт, лежащий в основе ряда его рассказов, переводить на субстанциональный уровень. Об этом нам доводилось уже размышлять [Захарова, 2013], здесь акцентируем внимание на аспектах, необходимых для обозначенной выше темы.

Сюжет рассказа построен на мотиве встречи, встречи на дороге, столь характерной для русской литературы. Изображаемые события даны через восприятие студента, приехавшего зимой в имение родителей. На проселочной дороге он встречает старика-нищего, приглашает его переночевать

у них в имени; старик отказывается, идет дальше, а наутро его обнаруживают замерзшим.

У самого Бунина детство прошло на хуторе Бутырки Елецкого уезда Липецкой губернии. В своем художественно-автобиографическом повествовании «Жизнь Арсеньева» читаем: «Я родился и рос ... совсем в чистом поле, которого даже и представить себе не может европейский человек. Великий простор, без всяких преград и границ, окружал меня: где в самом деле кончалась наша усадьба и начиналось это беспредельное поле, с которым сливалась она? Но ведь все-таки только поле да небо видел я» [Бунин, 1988, т. 3, с. 297]. Или такая зарисовка: «Пустынные поля, одинокая усадьба среди них... Зимой безграничное снежное море, летом — море хлебов, трав и цветов... И вечная тишина этих полей, их загадочное молчание...» [Там же, с. 267] С одной стороны, показывает автор, эти пространства воздействовали на душу ребенка поэтически, вызвали в ней на всю жизнь чувство любви к миру, ощущение его гармонии и Божественной неслучайности его красоты. С другой, Бунину с детства было присуще чувство тайны мироздания, настороженности от ее присутствия.

В описанных на многих страницах произведений Бунина просторах прекрасной, но и драматичной оказывается русская зима. Огромные снегопады, заснеженные дороги, сильные морозы — все сулило порой непосредственную опасность для жизни.

Символика заглавия рассказа содержит в себе библейскую аллюзию: «птицами небесными» называют нищих. Символику содержит и первоначальный вариант заглавия: в разговоре со стариком студент поражается его смирением, стоицизмом и — отсутствием стремления вызвать к себе сочувствие. «Беден только бес, на нем креста нет», — говорит он юноше [Бунин, 1988, т. 1, с. 457].

Очень органично звучит здесь у Бунина мотив «нищелюбия», столь свойственный нашему народу, — известны многие традиции благотворительности, ориентированной на помощь нищим: странноприимные дома, существовавшие по всей России, обычай в сибирских деревнях оставлять на ночь еду на краю деревни и др.

Как это свойственно поэтике Бунина, аранжировка произведения акцентированно символична, в данном случае экспрессивна. Образ мира изображен антропоморфически, несет в себе оттеночную смысловую нагрузку, играет роль предварения развязки. Вот одна из подобных зарисовок: «Стало еще морознее и страшнее... сад ревет властно и дико... А над белым морем метели — два других, еще шире раскинутых, кровавых глаза: Арктур и Марс... “Замерзнет, черт!” — с сердцем подумал студент про нищего» [Там же, с. 458].

В рассказе возникает образ огромного русского пространства, являющегося неотъемлемой частью Божьего мира, осененного крестами церкви, которые «горели лучистым золотом». Взаимосвязь земного и небесного выражается в рассказе и через проникновенное звучание мотива соборности всей русской жизни. Это тоже очень «бунинская тема» в связи с его восприятием патриархального русского быта. Так, студент-барчук старается помочь нищему: когда тот отказывается от ночлега, бежит в дом за деньгами и с милостыней догоняет странника уже в поле. Тревожно ожидая вьюжной ночью возвращения матери, студент замечает: «На столе горела лампа, в углу, перед иконой — лампадка: когда барыни не было дома, нянька всегда зажигала ее, — чтобы Бог дал благополучную дорогу» [Там же, с. 457]. А когда тройка с матерью въехала во двор, «*мать и кучер в один голос* крикнули ему, что на знаменской дороге лежит в снегу мертвое тело» [Там же, с. 459]. Так смерть нищего оказывается вписанной в извечный целесообразный круг бытия, в котором скорбь и радость — его общие составляющие. Социальный аспект в жизненном круговороте у Бунина почти всегда ослаблен: главное внимание посвящено общечеловеческой сфере бытия, христианскому миропониманию, имеющему свою шкалу ценностей, где деятельное добро, милосердие — непререкаемые составляющие.

В контексте наших рассуждений обратимся далее к рассказу И. А. Бунина «Лапти» (1926). Написанный в эмиграции, он доказывает цельность миросозерцания писателя, дальнейшее отражение сложившихся с ранних лет его представлений о гармоническом ладе «русского мира», каким был для него патриархальный крестьянский уклад, выводит на представления о сущностных чертах народного характера.

Это необычайно лаконичное произведение: оно состоит всего из двух страниц. Сюжет его драматичен. События происходят в бедной помещицкой усадьбе, на отдаленно стоящем хуторе, каких множество было разбросано по России. Тяжело заболел ребенок хозяев усадьбы. Отец был в отъезде, а мать была в отчаянии от мысли о невозможности в пургу привезти доктора за 30 верст. Мальчик бредил и все просил какие-то красные лапти. Мужик Нефед решил отправиться пешком в деревню в лавку за шесть верст за краской — фуксином, чтобы покрасить лапти: «Значит, душа желает. Надо добывать» — заключает он [Бунин, 1988, т. 3, с. 161].

Далее становится известно, что утром, когда рассвело, соседние мужики привезли на хутор тело замерзшего в снегу на обратном пути Нефед. Заканчивается рассказ такой фразой: «За пазухой Нефед лежали новенькие ребячьи лапти и пузырек с фуксином» [Там же, с. 163].

Как видим, в этом лаконичном рассказе Бунин представил, по сути дела, подвиг самопожертвования человека ради спасения больного ребен-

ка, хотя для героя рассказа, мужика Нефедя, его поступок не представлялся смертельно опасным, а совершенно необходимым. Конечно, он понимал, что его ждет в пути, — русским людям приходилось зимой рисковать жизнью, чтобы добраться до отдаленного места в метель, — но преодоление сложностей его не останавливало: цена жизни ребенка была высока, и он не мог не откликнуться на горе семьи.

Как всегда бывает в прозе Бунина, частный, единичный случай при всей конкретности, колоритности описания обладает потенциалом символичности, возводящим частный случай к общим законам человеческого общежития. Ведь рассказ назван «Лапти», а *лапти, красные лапти*, символ детского бреда, здесь символизируют необходимость помочь другому, даже если это связано с риском для жизни.

Бунин, выросший в хуторской усадьбе, знал, как судьба хозяев и судьба крестьян сливалась и в общих праздниках, и в общем горе. Знал Бунин тот «русский мир», который издревле отличался соборностью — особенностью, выражающей своеобразие «православного образа мира, православного менталитета» [Есаулов, 1995, с. 6].

Приведенные примеры, как нам представляется, убедительно вписываются в парадигму выделяемых И. А. Ильиным самых основополагающих черт национального характера: «... русский начинает с чувства и сердца, черпает из этого источника все лучшее, отвергая бесчувственное и бессердечное как мертвое и ложное <...> в русской истории милосердие является добродетелью...» [Ильин, 2007, с. 40].

3.2. Творчество Б. К. Зайцева в аспекте представлений И. А. Ильина о национальном характере

В прозе Б. К. Зайцева можно обнаружить много созвучий идеям И. А. Ильина. Здесь покажем это созвучие в аспекте «добродетели *сердца и совести*». Его можно иллюстрировать многими примерами из прозы писателя. В творчестве Б. К. Зайцева есть произведение, превосходно выражающее художественное постижение высших проявлений совершенства — русской святости, — повесть «Сергий Радонежский» (1925). Это большая, самодостаточная тема, уже весьма многомерно освещенная в современном литературоведении. Мы лишь обозначаем повесть как важнейшее, концептуально-значимое в аспекте предлагаемой проблематики произведение. В его ореоле воспринимаются и рассказы, написанные еще на родине.

Обратимся к некоторым из них. Полагаем, показательным в данном аспекте может служить рассказ «Путники» (1916). Его название легло на обложку седьмого тома рассказов писателя, который вобрал в себя произ-

ведения, написанные в 1916—1918 годах, и оказался последним вышедшим в России.

Название и рассказа, и сборника символично и связано с метатемой всего творчества Б. К. Зайцева — темой «путничества», «странничества». В контексте зайцевского миропонимания это означает непрерывный духовный поиск человека на своем жизненном пути. Показательно ведь, что и название главного труда писателя — автобиографической трилогии «Путешествие Глеба» (1937—1953) — содержит в себе мифологему пути. Однако это отдельная крупная тема, и в целом ряде литературоведческих трудов она раскрывалась. Мы же здесь рассмотрим рассказ лишь в аспекте воззрений И. А. Ильина на значимость в национальном характере выделенной им «добродетели *сердца и совести*»: «Сердечная доброта, сострадание, дух самопожертвования и определенное стремление к совершенству играют здесь решающую роль» [Ильин, 2007, с. 41]. О стремлении к совершенству и спектре его проявлений в русской душе философ рассуждает отдельно, и мы коснемся этого вопроса позднее. В рассказе Б. К. Зайцева, как нам представляется, привлечено внимание прежде всего к незаметным для самого человека движениям души, являющимся ни много, ни мало, а именно указанной добродетелью.

Обратим внимание на год создания рассказа — 1916-й. На дворе — мировая война, а писатель упорно обращает внимание читателей на мирную жизнь обычных своих «зайцевских» героев: скромных русских интеллигентов, во многом чеховского склада. Таковы, можно сказать, почти все рассказы этого сборника.

В письме к И. Бунину в 1914 году он писал: «Несмотря на войну, я ухитрюсь и писать еще весьма мирную штуку. Даже так скажу — что отдыхаю на этом от страшных вещей... Все равно, хоть это никому и не нужно сейчас, все же пишешь и о Пушкине читаешь, и его самого читаешь. Вчера читал “Онегина”, и вдруг так показалось чудовищно и бессмысленно, что люди друг с другом делают, когда есть ведь область красоты, поэзии, таких необыкновенно прекрасных вещей...» [Зайцев, 1914].

Речь шла о работе над повестью «Голубая звезда». И это характерно для Зайцева. Долгое время было принято говорить в таких случаях о писателях, что они *уходили* в область вечных тем. Думается как раз, что они эти вечные и такие нужные темы возвращали современности, сознавая их благодатное врачующее воздействие.

Но обратимся непосредственно к рассказу «Путники». В нем три главных героя: Казмин, Ахмаков и Елена. Трое одиноких, несчастных людей, случайно оказавшихся нужными друг другу, и эта реализованная возможность помочь другому оказалась целительна для каждого.

Композиционно рассказ фрагментарен, и это отражает свойственное каждому из героев чувство обособленности от других в этом мире: у Ахмакова это связано с тяжелой болезнью, у Казмина и у Елены — с несложившейся жизнью. Казмин страдает от одиночества в своем имении после отъезда жены, оставившей его и забравшей сына; Елена едет в поезде почти «куда глаза глядят», стремясь избыть свою личную драму.

Поэтика малой прозы Зайцева замечательно наследует чеховский «импрессионистический психологизм» с оттеночной нюансировкой неявных психологических движений души героев. Здесь он тоже проявляется очевидно. Так, Казмин, возвращаясь со своей одинокой прогулки верхом по безлюдным местам в окрестностях имения, после раздумий о своей семейной коллизии неожиданно для себя пришел к всепрощающему выводу: «Все терзания, злоба, муки — напрасны. Если она меня полюбит вновь, как в те годы — то вернется. Все это необыкновенно просто. И нет виновных» [Зайцев, 1999, с. 185]. И далее фиксируется новый, важный оттенок его состояния: «Подъезжал к дому он в новом, его самого удивившем настроении. Он не знал, было ли оно прочно; но сейчас на сердце стало легко, как-то влажно, смутно, точно пожалел его милый ангел — коснулся в безлюдье» [Там же].

Подобная же неявная, но благая душевная метаморфоза происходит с Казминым, когда он получает от Ахмакова, в общем-то далеко не близкого ему человека, телеграмму с просьбой приехать, поскольку тот серьезно болен. Вначале мысль о поездке к нему за несколько сот верст была Казминым отвергнута: «Он заснул с тем, что не поедет. Даст тому телеграмму — и конец» [Там же]. Но «утро снова его удивило... он проснулся с ощущением, что вчера, вечером, случилось что-то отличное, светлое и легкое. «“Страдания гордости, обиды, — думал он, одеваясь, — какая чушь!” Те минуты, верхом, в потемневшем, диком поле, и слезы, встали перед ним с живостью. “Да, конечно, еду, разумеется”. Эта мысль как-то сама вышла, он не звал ее; но колебаний уже не было» [Там же, с. 185—186].

Писатель как бы рисует беглым наброском судьбы людей, в разной степени драматичные. В поезде Казмин встречает Елену, скоро понимает, насколько та одинока, несчастна и близка к отчаянию. Когда Елена, которой было все равно, куда ехать, отправилась с Казминым помогать облегчить, как оказалось, последние дни Ахмакова, это оказалось для нее, как и для Казмина, спасением. Писатель очень органично, психологически-прозрачно показал, что дела милосердия одинаково необходимы и тому, на кого они обращены, и тому, кто его осуществляет.

Заметим: зайцевские герои-интеллигенты здесь показаны несколько далекими от отчетливого пребывания в лоне христианской веры, но вера

эта все же впитана ими с поколениями веровавших предков, поэтому столь органичны в них милосердные движения души, смиренное приятие судьбы в итоге мучительных терзаний, великое терпение.

Ахмаков перед смертью приходит к мысли: «...Слава, счастье... А ответа нет. Страшен мир...». Казмин же ему возражает: «Я думаю, что и прекрасен так же, как и страшен» [Там же, с. 197]. И в одной этой фразе угадывается подлинно зайцевский героя: ведь мы уже знаем, что он несчастен! Но эта вера в добро и красоту, несмотря ни на что, — как особый знак, отличающий его. Да и об Ахмакове Казмин заметит чуть позднее: «Кажется, Ахмаков понимал теперь свою болезнь, в общем — на нее не роптал» [Там же, с. 198].

И еще важная черта «зайцевских героев»: стремление к единению с русской природой, через целесообразность бытия которой они обнаруживают свое родство с миром народного бытия. Так, когда Казмин и Елена на прогулке в имении Ахмакова взойшли на пригорок, оба почувствовали, как там хорошо, «покойно». Ахмаков заметил, что это «потому, что тут место простое» [Там же, с. 202]. И пояснил, что так он понимает жизнь крестьянскую: «Их жизнь очень ясна, неопровержима. Все на своем месте, и никуда не сдвинется, — Труд, маленькие заботы, быт. Все это слито в одну прочную картину — слито, если хотите, и с теми далями, с нехитрым пейзажем, со всей нашей нехитрой, простонародной стариной» [Там же, с. 202]. А чуть далее читаем: «Все так же громадна, беззвучна была равнина перед ними, — с лунами, полями, курганами, затерянными в степях, с мужичкиными селами, бабами, с древним монастырем, с Доном, выдавшим тысячелетия» [Там же, с. 203].

Здесь очевидно проявление тонко переданной Зайцевым такой особенности русского национального характера, как его созерцательность, обусловленная огромностью, красотой и древностью русских пространств, — любимая Ильиным «идея созерцания»: «Источником русской православной веры является *созерцающее сердце*» (курсив наш. — В. З., И. К.) [Ильин, 2007, с. 54].

Зайцев представляет своих созерцающих сердцем героев органично «вписанными» в огромный и географически, и исторически, и онтологически ландшафт, который как бы переливает в них свою витальную мощь. В итоге каждый из них открывает для себя свой обновленный жизненный путь. Особенно примечателен он у Елены. Она говорит Казмину: «Мне недавно старушка одна сказала, из простых: “Ты бы, голубушка, к Тихону сходила, к святителю”. Это, значит, к Тихону Задонскому» [Зайцев, 1999, с. 202]. И чуть позднее объясняет принятое решение: «Я пойду к Тихону Задонскому. Полями теми, что вчера мы видели с обрыва. Далекими поля-

ми. Буду с бабами идти. Там помолюсь за себя, за вас, за Алексея Кириллыча и всех христиан. Может быть, помолюсь, поплачу — и больше пойму, что мне делать, как мне жить» [Там же, с. 207].

В зайцевском тексте легко и свободно переплетаются и природа, и потребность слиться с народным простодушием, с его верой, почерпнуть в этом силу для будущего, присутствует и неизбежное христианское милосердие: потребность в молитве за всех. Трудно переоценить значение происшедших со скромной зайцевской героиней перемен.

Казмин решает ехать в Петербург, чтобы быть поближе к жене и сыну: «Он не знал, что ждет его там — поворот к лучшему, горе или отчаяние; но было ясно, что именно так следует поступить. Другого пути нет, *a этот прям, как и всегда бывало в его жизни*» (курсив наш. — В. З., И. К.) [Там же, с. 208]. Вот это обозначение пути героя — «прям» — тоже имеет интересную расшифровку в контексте зайцевской философии жизни. На материале многих его рассказов — «Вечерний час», «Актриса», «Изгнание» и др. — можно убедиться, что герои его подвержены различным жизненным испытаниям, душевным сомнениям, подчас мучениям, и все же о каждом из них, как и о Казмине, можно сказать, что путь его «прям»: никогда он не сделает зигзага в сторону зла, безнравственности, см.: [Захарова, 2014]. Поиск зайцевских героев всегда по одну сторону: в русле остающихся нетленными в мятущихся душах вечных постулатов Добра.

Завершим наши размышления обращением к одному из рассказов, написанных уже в эмиграции, удивительным образом углубляющих представление о «зайцевском герое», — как нам представляется, именно в аспекте лучших характеристических черт русского народа, очерченных И. А. Ильиным, — рассказу «Странное путешествие» (1926).

Герой рассказа — «тот самый» Христофоров, которого читатели Зайцева знают по повести «Голубая звезда» (1918). Он, полагаем, являет собой своеобразный «итоговый образ» в галерее зайцевских героев-интеллигентов начала XX века, хотя присущие ему черты оригинально проявятся и в эмигрантских героях писателя, в первую очередь в автобиографическом герое тетралогии «Путешествие Глеба», образе Маркела в романе «Золотой узор» (1926).

Не ставя задачи детального анализа рассказа, выделим лишь концептуально значимые для данного исследования моменты. Действие рассказа происходит в первые послереволюционные годы в Подмосковье. Сюжет его прост и драматичен: Христофоров, два года назад уехавший из Москвы, живший частными уроками, его ученик Ваня и местный хозяйственный мужик Панкрат Ильич отправились в Москву обменять продукты. Путь был неблизкий, с ночевками в деревнях, и опасный: велик был риск

разбойничьих нападений. В итоге такое нападение и случилось. В критический момент Христофоров заслоняет собой Ваню, получив смертельное ранение.

С самого начала, буквально с первых строк вводится в текст звучание мотива тревоги, некоего предвещения развязки: «В сыром мартовском дне дымно синели леса над Окой. Сзади остались сады, купола города ... Вдалеке *монастырь глянул прощально*» (курсив наш. — В. З., И. К.) [Там же, с. 404;].

Читатель Зайцева знает, что Христофоров — это образ, являющий для автора некий образец скромного русского интеллигента, тонко чувствующего живые токи земной жизни, одухотворенную связь с Божественным началом бытия. Поэтически возвышенно его тяготение к Небу, к любимой звезде Веге.

В этом рассказе Христофоров — учитель. К нему привязан его ученик Ваня, с большим пиететом относящийся к нему. При этом Христофоров замечает: «Ему восемнадцать лет, мне за сорок, и я его учитель, но он смотрит на меня, как на ребенка» [Там же, с. 406]. Здесь подчеркивается присутствующая герою Зайцева определенная незащищенность перед обстоятельствами, заметная его ученику.

Христофоров показан по-прежнему верным тому, что было для него важнее всего. На одной из остановок в пути Алексей Иванович идет в церковь на воскресную службу. Эпизод этот очень поэтичен, герой Зайцева проникновенно воспринимает службу: «Иногда набегала слеза, и тогда золотой свет свечей дробился, роился сияющим ореолом. Да, вот, все по лицу Руси так же стоят сейчас перед Господом, и так же поет хор, и просиявший голубой столб так же возносится от солнечного пятна на амвоне в высоту купола, где летит таинственно-сладчайший Голубь» [Там же, с. 410].

Верно замечено Н. И. Пак, что в этом рассказе писателя, как в других пореволюционной поры, «образы храма и света несут важнейшую идейно-художественную нагрузку, определяя и стилевое своеобразие произведений», что теперь для писателя «свет живоносный неотделим от Бога и потому его герои ощущают легкость, тепло, радость света только в храме» [Пак, 2003, с. 70].

И, конечно, этот свет в их душах и обуславливает их внутреннюю способность к подвижничеству. Герой Зайцева в его несовременности, «неподходящий», как он сам считает, новым временам, оказывается способен в страшную минуту поступить самоотверженно, пытаясь защитить своего ученика, спасти от гибели.

Полагаем, даже по приведенным выше избранным примерам из творчества Б. К. Зайцева пореволюционной эпохи можно убедиться, насколько

было близко его мировосприятие представлениям И. А. Ильина, о которых шла речь.

3.3. Типологическая общность воззрений И. А. Ильина и творчества В. А. Никифорова-Волгина

Василию Акимовичу Никифорову-Волгину также были духовно близки взгляды философа И. А. Ильина на такие сущностные черты характера русского народа, как доброта сердца, потребность сострадать и жертвовать собой во благо других, стремление к совершенству, духовный оптимизм. Никифоров-Волгин, мастер малой прозы, создавал удивительной красоты и точности портрет русского народа, мастерски описывал русский характер и подмечал нравственные доминанты русского человека.

В. А. Никифоров-Волгин родился 24 декабря 1900 года в деревне Маркуши Тверской губернии, в волжских землях (отсюда и псевдоним — Волгин). Вскоре он с семьей переехал в Эстляндскую губернию, которая в 1918 году приобрела независимость от России и вошла в состав Эстонии: так В. А. Никифоров-Волгин стал русским эмигрантом. В 1920-х годах писатель занимается просветительской деятельностью, с 1921 года печатается в таллинских газетах. До конца жизни главной задачей он будет считать просвещение народа и воспевание традиционных ценностей и Руси первоначальной. Потому, должно быть, в прозе писателя возникают два противоположных образа: святой Руси и России разбойничьей. А. М. Любомудров справедливо отмечает: «Две России постоянно присутствуют в художественном мире Волгина: разбойная, вбивающая гвозди в Богородичную икону, — и монашеская, молитвенная» [Любомудров, 2021, с. 33].

В связи с приходом в Эстонию советской власти Никифоров-Волгин перестает писать. 14 декабря 1941 года писателя Волгина расстреляли. Он был реабилитирован лишь в 1991 году. После реабилитации его творчество стало известным широкому кругу читателей благодаря всеобщему интересу к литературе Русского Зарубежья.

В два последних десятилетия возрос научный интерес к творчеству Василия Акимовича Никифорова-Волгина. Многие исследователи, в том числе С. Бойко, Т. В. Бервенко, Н. Видмарович, Ю. Н. Золотых, С. Исаков, И. А. Казанцева, Н. В. Летаева, Е. А. Осьминина, анализируют поэтику рассказов Никифорова-Волгина [Бойко, 2007; Бервененко, 2015; Видмарович, 2013; Золотых, 2014; Исаков, 1992; Казанцева, 2010; Летаева, 2016; Осьминина, 2016]. А. М. Любомудров в многочисленных работах, посвященных В. А. Никифорову-Волгину, определяет тип его художественного сознания как «духовный реализм» (впервые определение «духовный роман» было применено И. С. Шмелевым в переписке с И. А. Ильиным) и рассматривает

образ волгинской России через призму христианского мировоззрения [Любомудров, 2003; Любомудров, 2021; Любомудров, 2022]. А. С. Конюхова в диссертации «Творчество В. А. Никифорова-Волгина: поэтика сюжета и типология героев» определяет характерные для писателя типы сюжетов, среди которых рождественский, пасхальный и эсхатологический; пишет о появлении новых героев («благоразумный разбойник», герой-странник, герой-хранитель) [Конюхова, 2021]. Ю. Лапко в своей диссертации изучает феномен наставничества в прозе В. А. Никифорова-Волгина [Лапко, 2009]. И. А. Казанцева в статье «Отражение сакрального пространства в произведениях В. А. Никифорова-Волгина и В. Н. Крупина» исследует особенности художественного сознания В. А. Никифорова-Волгина [Казанцева, 2010]. С. С. Бойко отмечает, что в работах В. А. Никифорова-Волгина появился новый тип героя, ранее не появлявшийся в прозе Русского Зарубежья — покаявшийся красноармеец [Бойко, 2007]. Е. Л. Сузрюкова рассматривает «детские» циклы писателя («Художественное пространство в цикле рассказов В. А. Никифорова-Волгина “Детство”» (2017), «Колокольный звон в цикле рассказов В. А. Никифорова-Волгина “Детство”» (2017), «Символическое значение образов яблок и яблони в цикле рассказов В. А. Никифорова-Волгина “Детство”» (2016) и др.) [Сузрюкова, 2017; Сузрюкова, 2016]. Таким образом, исследовательская база о писателе В. А. Никифорова-Волгине существует, но полновесное научное осмысление наследия писателя еще предстоит осуществить общими усилиями литературоведов.

Обратимся к произведениям малой прозы писателя, в которых отразились события революционной и послереволюционной поры, периода тяжелейших испытаний для русского народа, когда разрушались тысячелетние национальные духовные основы. Выделим те из них, в которых явно обнаруживается созвучие идеям И. А. Ильина, высказанным в работе «Сущность и своеобразие русской культуры» и идейно близкой ей «Книге тихих созерцаний». И. А. Ильин выделяет особый дар русского человека — дар молитвы, дар духовного вопрошания и благодарения. Это свойственно русским праведникам и богомольцам. Молитва — та культурно-религиозная составляющая, без которой невозможно постижение русского характера. И. А. Ильин отмечает, что «...настоящая молитва требует всего человека и захватывает его целиком. Она может излиться и в связных словах, но она может и не найти их, и молящийся будет вместе с Андреем Юродивым лишь восклицать в слезах...» [Ильин, 2019, с. 158]. В рассказе Никифорова-Волгина «Молитва» мы становимся свидетелями молитвы сельского священника, отца Анатолия. В самом начале мы узнаем, что «научники и грамотеи считают его горе-священником», потому что

образование у него скудное и проповеди «нескладные, как мужицкая речь» [Никифоров-Волгин, 2018, с. 544]. Другие же, «полюбившие его», отмечают, что молитва его — «чудотворная». Образ отца Анатолия мы воспринимаем через полярные взгляды знавших его людей. Рассказ «Молитва» написан от первого лица. В конце мы узнаем имя рассказчика — «раб Божий Василий»; здесь содержится аллюзия на самого автора, тоже Василия, благодаря чему усиливается значимость образа персонажа.

Работа, которая совершается в душе священника перед молитвой, буквально отражается на его лице: «...по его грубому крестьянскому лицу прошла судорога и между густыми бровями залегло раздумье» [Там же, с. 407]. Свою молитву он произносит простыми словами, сбиваясь и порой забывая имена людей из своей паствы. Такая молитва священника — высокий образец веры детской, искренней. «Сердечным жаром» называет такую молитву И. А. Ильин [Ильин, 2019, с. 160]. Здесь явлено евангельское представление о вере, выраженное в известных словах Иисуса Христа: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» [Мф. 18:3]. Подобное постижение Бога, далекое от теологической строгости, представляется нам светлым и естественным. Такое «...единое, сердцем насыщенное слово будет весить более, чем множество душевно-полупустых слов» [Ильин, 2019, с. 159]. Доброта, простота, сострадание, детская наивность — вот те качества, которые становятся характерообразующими для отца Анатолия, в частности, и для простого русского человека вообще. «Так молиться может только Боговидец», отмечает рассказчик, и в этом, конечно, уже совершенно осязаемая сила молитвы простого деревенского священника [Никифоров-Волгин, 2018, с. 547]. А. М. Любомудров, рассуждая об этом рассказе, отмечал новаторство В. А. Никифорова-Волгина в изображении молящегося человека: «Ничего подобного отечественная классика до Волгина не знала, “молитвы” в русской поэзии и прозе создавались большей частью как литературные тексты» [Любомудров, 2022, с. 231].

Стремление к созерцанию, как отмечает И. А. Ильин, есть особая черта души русского человека. Такая душа «...заслуживает живой симпатии и способна ответить на нее самым сердечным образом. Будучи душой свободного чувства и свободного созерцания, она как бы рождена для христианства, и её последним собственным прибежищем являются тем самым вера и религия» [Ильин, 2007, с. 50].

Образы человека с подобной, совершенно русской душой мы часто встречаем на страницах книги Никифорова-Волгина. Один из таких образов — Максим Каменев, герой одноименного рассказа. Каменев — образ сложный, мечущийся, ищущий ответы на «проклятые вопросы».

Никифорову-Волгину удивительно точно удалось передать характер такого человека. Он чудак, почти юродивый, пытающийся сокрыть собственные добродетели за наносной грубостью и разгулом. Благодетель, «от своих жильцов он никогда не требовал квартирной платы, но зато должны они были подчиняться причудам его и называть “Вашим Степенством”» [Никифоров-Волгин, 2018, с. 297]. В порывах непонятных, темных метаний Максим Каменев находит утешение в вине, и тогда вся душевная тоска обрушивается на читателя: «Хозяин напивался больше всех. Он обнимался со своими жильцами, плакал у них на груди, называл их святой голытьбой и вопил медным своим голосом: — Пожалейте меня, православные христиане» [Там же, с. 298]. А. М. Любомудров отмечал, что в книгах Никифорова-Волгина «...живет глубоко христианская вера в возможность спасения любого человека — через глубинное преображение души, искреннее покаяние» [Любомудров, 2022, с. 235]. Нельзя не согласиться с исследователем. Двойственность, свойственную русской душе, выявляет в характере Каменева Никифоров-Волгин: то герой желает стать разбойником, то зовет свою челядь строить монастырь, то кается в грехах. Перед смертью чудак Каменев совершает по-настоящему самоотверженный христианский поступок: завещает все свое имущество жильцам-неплательщикам.

И. А. Ильин, рассуждая о свойствах характера русского человека, особенно отмечал, как было сказано выше, созерцательность, доброту сердца и всегда следующий за ними духовно верный оптимизм. Философ отмечал такие его черты: «Настоящий оптимист видит современный ему ход истории, созерцает его сущность и смысл в плане Божиим и черпает силу из бесконечного источника воли, преданной Богу и Богом ведомой» [Ильин, 2019, с. 296]. Такого рода оптимизм мы встречаем у героя рассказа «Сумерки» Григория Семеновича. Никифоров-Волгин создает образ старика, не принимающего и осуждающего изменения, возникшие в ходе революции. Ко всему новому, отличному от привычного, герой относится строго отрицательно. Особенно печалит Григория Семеновича изменения в церковном укладе: «Жизнь Григория Семеновича не радовала. Все изменилось к худшему. Даже в церкви — тысячелетнем доме Господнем, где все должно быть неизменно и крепко, — он находил большие перемены» [Никифоров-Волгин, 2018, с. 271]. Читатель сочувствует герою, груз новой жизни стал ему не под силу, некому его утешить. Перемены подмечает герой и в будничной жизни: поведение людей вокруг, а главное, поведение дочери, Насти, изменилось в худшую сторону. Григорий Семенович, думая о дочери, отмечает: «Не стало девушек с опущенными ресницами, длинными косами, тихими, светлыми взорами» [Там же, с. 271].

Печальные думы о насущном все же подводят героя к мыслям светлым, составляющим суть созерцательного мировосприятия: «За окнами плыл звенящий июльский вечер. Григорий Семенович прислушался к нему и подумал: такой же синий вечер был в его детстве <...> таким же он будет до последнего дыхания земли...» [Там же, с. 277]. Наконец, духовно верным оптимизмом окрашиваются мысли героя: «Вечер остался неизменным, как и прежде, и радовало это Григория Семеновича горькой радостью» [Там же, с. 277]. Стоит подчеркнуть, что созерцательность героев Никифорова-Волгина глубинно связана с христианским мироощущением взаимосвязи земного и Небесного во всеобщем бытии человека и природы.

Духовный оптимизм и созерцательность свойственны еще одному волгинскому герою — деревенскому священнику, отцу Афанасию, герою повести «Дорожный посох». Его не повергают в уныние ни безбожие, царящие вокруг, ни болезнь, ни тяжкие дни в тюремной камере. В преступных душах заключенных, во мраке тюрьмы и издевательских пытках находит он Бога. Окружающий мир и природу он созерцает своим тихим взором: «Я сижу на солнышке и листаю псалмы Давида. На моё плечо и на страницы книги падают лепестки яблонь. И так кстати открылись мне слова псалмопевца о солнце...» [Там же, с. 622]. Все здесь взаимосвязано, гармония души созвучна гармонии в природе. Каждая веточка, каждая паутинка, каждая травинка в восприятии отца Афанасия — Божье творение, благостное подтверждение Божественного участия в жизни человека. Потому отец Афанасий замечает те вещи, что порой скрыты от обыденного взгляда. В полях он видит паутину, пряжу Богородицы, которой «вся трава перевита серебцой, словно морозная» [Там же, с. 664]. Насыщенные и цветом, и запахом, и звуком пейзажи часто появляются на страницах повести. Осенний пейзаж выглядит так: «Земля пахла морозом, но снега еще не было. От вечернего и морозного зарева небо и земля казались медными. И тишина была...» [Там же, с. 665]. В умиротворяющее настроение погружают читателя волгинские пейзажи.

Описанные нами герои В. А. Никифорова-Волгина тихо созерцают мир вокруг, как отец Афанасий и отец Анатолий. Мечутся в поисках Божьей правды, как Максим Каменев, и едва не впадают в уныние, как Григорий Семенович. Волгинских героев объединяет одно — потребность в Боге и невыразимое желание быть причастным к Его миру.

По приведенным нами немногим рассказам из обширного творчества В. А. Никифорова-Волгина можно заключить, насколько родственным было его мировосприятие философским представлениям И. А. Ильина о своеобразии национального характера русского народа.

4. Заключение = Conclusions

Подводя итоги проведенного исследования, заметим следующее. Решение задачи выявления соотношенности идей русской религиозно-философской мысли и отечественной литературы, полагаем, помогает глубже высветить аксиологические составляющие национального самосознания.

На конкретных примерах в данной работе выявлено созвучие идей И. А. Ильина и писателей русского Зарубежья первой волны в глубоком осмыслении добродетели *сердца и совести, стремления к совершенству*. Рассмотренные художественные тексты демонстрируют многогранную картину подобного осмысления.

Так, у И. А. Бунина проникновенно раскрыта идея милосердия, соборности русской дореволюционной жизни на драматических примерах из частной жизни людей разных сословий, что напоминает читателю о лучших традициях «русского мира». Б. К. Зайцев тонко раскрывает лучшие качества в образах скромных русских интеллигентов, оказывающихся способными на милосердные поступки, а в эпоху лихолетья и на самопожертвование во имя ближнего. В. А. Никифоров-Волгин в массе очень скромных по объему рассказов сумел в сдержанной эмоциональной палитре показать пульсирование лучших добросердечных качеств в народном характере в обстановке страшных революционных потрясений в наступившую безбожную эпоху.

Полагаем, проведенное исследование способствует обнаружению в русской литературе благодаря соотношенности ее идей с идеями русской философии типологических звеньев, не замеченных ранее, что позволяет в более укрупненных масштабах представлять себе пути развития национального художественного сознания, более полно осмыслить целостность отечественного литературного процесса, обусловленную «живой жизнью» тысячелетних духовных традиций.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Литература

1. *Бервененко Т. В.* Святость и греховность русского человека как выражение антинимичности героев В. А. Никифорова-Волгина / Т. В. Бервененко, Ю. Н. Золотых // Славянская письменность и культура как фактор единения народов России : материалы III Всероссийской научно-практической конференции. — Владикавказ : Изд-во Северо-Осетинского гос. ун-та им. К. Л. Хетагурова, 2015. — С. 17—25.

2. *Бойко С. С. В. Никифоров-Волгин — русский писатель из эстонской Нарвы / С. С. Бойко // Вопросы литературы. — 2017. — № 2. — С. 246—261.*
3. *Бунин И. А. Жизнь Арсеньева / И. А. Бунин // Собр. Соч. : в 4-х т. — Москва : Правда, 1988. — Т. 3. — С. 265—537.*
4. *Бунин И. А. Лапти / И. А. Бунин. Собр. соч. : в 4-х т. — Москва : Правда, 1988. — Т. 3. — С. 85—87.*
5. *Бунин И. А. Птицы Небесные / И. А. Бунин // Собр. соч. : в 4 т. — Москва : Правда, 1988. — Т. 1. — С. 453—460.*
6. *Видмарович Н. П. Образ пасхального пространства в рассказах В. Никифорова-Волгина и А. Солженицына : к проблеме трансформации / Н. Видмарович // Духовная традиция в русской литературе : сборник научных статей. — Ижевск : Издательство «Удмуртский университет», 2013. — С. 321—340.*
7. *Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII—XX веках / М. М. Дунаев. — Москва : Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. — 1056 с. — ISBN 5-94625-023-X.*
8. *Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе : монография / И. А. Есаулов. — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского университета, 1995. — 288 с. — ISBN 5-230-09032-4.*
9. *Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности : монография / И. А. Есаулов. — Москва : Кругъ, 2004. — 559 с. — ISBN 5-7396-0073-1.*
10. *Зайцев Б. К. Письмо И. А. Бунину от 9 октября 1914 г. / Б. К. Зайцев. — РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 289.*
11. *Зайцев Б. К. Путники / Б. К. Зайцев // Собр. соч. : в 5 т. Улица святого Николая : Повести. Рассказы. — Москва : Русская книга, 1999. — Т. 2. — С. 178—209. — ISBN 5-268-00402-6.*
12. *Зайцев Б. К. Странное путешествие / Б. К. Зайцев // Собр. соч. : в 5 т. Улица святого Николая : Повести. Рассказы. — Москва : Русская книга, 1999. — Т. 2. — С. 404—425. — ISBN 5-224-03715-8.*
13. *Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики : Этнологические аспекты / В. Н. Захаров. — Москва : Индрик, 2012. — 264 с. — ISBN 978-5-91674-232-9.*
14. *Захарова В. Т. Поэтика прозы Б. К. Зайцева : монография / В. Т. Захарова. — Нижний Новгород : НГПУ им. К. Минина, 2014. — 167 с. — ISBN 978-5-85219-379-7.*
15. *Захарова В. Т. Русская литература в контексте отечественной религиозно-философской мысли (Серебряный век и русское Зарубежье) : монография / В. Т. Захарова. — Нижний Новгород : Мининский университет, 2023. — 116 с. — ISBN 978-5-85219-287-5.*
16. *Золотых Ю. Н. Феномен христианского юмора в творчестве В. А. Никифорова-Волгина / Ю. Н. Золотых // Современные проблемы науки и образования. — 2014. — № 5. — С. 5—7.*
17. *Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний / И. А. Ильин. — Изд. 11-е. — Москва : ДАРЪ, 2019. — 320 с. — ISBN 978-5-485-00181-0.*
18. *Ильин И. А. Сущность и своеобразие русской культуры / И. А. Ильин. — Москва : Русская книга — XXI век, 2007. — С. 15—435. — ISBN 978-5-91123-017-3.*
19. *Ильин И. А. Творчество И. А. Бунина / И. А. Ильин // О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелев. — Мюнхен, 1959. — С. 28—77.*
20. *Исаков С. О В. А. Никифорове-Волгине / С. Исаков. — Москва : Русская книга, 1992. — Введение. — С. 5—8.*

21. *Казанцева И. А.* Отражение сакрального пространства в произведениях В. А. Никифорова-Волгина и В. Н. Крупина / И. А. Казанцева // Вестник ВятГУ. — 2010. — № 2. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-sakralnogo-prostranstva-v-proizvedeniyah-v-a-nikiforova-volgina-i-v-n-krupina> (дата обращения 28.03.2023).

22. *Конюхова А. С.* Творчество В. А. Никифорова-Волгина : поэтика сюжета и типология героев : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / А. С. Конюхова. — Воронеж, 2021. — 201 с.

23. *Кошемчук Т. А.* Русская литература в православном контексте / Т. А. Кошемчук. — Санкт-Петербург : Наука, 2009. — 278 с. — ISBN 978-5-02-025571-5.

24. *Лапко О.* Художественное воплощение наставничества в русской прозе 1920—1930-х годов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. Лапко. — Москва, 2009. — 18 с.

25. *Летаева Н. В.* Русский мир в прозе В. А. Никифорова-Волгина / Н. В. Летаева // Славянский сборник : материалы 12-х Всероссийских (с международным участием) Славянских чтений «Духовные ценности и нравственный опыт русской цивилизации в контексте третьего тысячелетия». — Орел : Издательство Орловского государственного института культуры, 2016. — С. 77—82.

26. *Лисица Ю. Т.* Дар сердечного созерцания / Ю. Т. Лисица // Иван Ильин. Огни жизни. — Москва : Русская книга — XXI век, 2007. — С. 5—17. — ISBN 5-268-01393-9.

27. *Любомудров А. М.* Голгофская страна : художественная историософия России в поэзии и прозе русского зарубежья / А. М. Любомудров // Русско-Византийский вестник. — 2021. — № 4 (7). — С. 25—40. — DOI: 10.47132/2588-0276_2021_4_25.

28. *Любомудров А. М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья : Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев : монография / А. М. Любомудров. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — 272 с. — ISBN 5-86007-377-1.

29. *Любомудров А. М.* Лики России в творчестве Василия Волгина / А. М. Любомудров // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья : проблемы преемственности («V Смирновские чтения») : материалы V Международной научной конференции (МГОУ, 10 февраля 2022 г.). — Москва : МГОУ, 2022. — С. 229—235. — ISBN 978-5-7017-3355-6.

30. *Никифоров-Волгин В. А.* Светлая Заутреня : Сборник прозы / Василий Никифоров-Волгин ; вступ. ст. А. М. Любомудрова ; худож. С. Губин. — Москва : Сибирская Благовонница, 2018. — 717 с. — ISBN 978-5-906911-76-6.

31. *Ничиторов И. Б.* Русская литература и Православие : пути диалога / И. Б. Ничиторов. — Москва : Синопись, 2019. — 287 с. — ISBN 978-5-9946-0307-9.

32. *Осьминина Е. А.* Церковнославянизмы в автобиографических циклах В. А. Никифорова-Волгина / Е. А. Осьминина // Русская речь. — 2016. — № 2. — С. 26—31.

33. *Пак Н. И.* Древнерусская культура в художественном мире Б. К. Зайцева / Н. И. Пак. — Калуга : Изд-во Калужского гос. пед. университета им. К. Э. Циолковского, 2003. — 178 с. — ISBN 5-88725-098-4.

34. *Подмарев Е. А.* Религиозно-философские аспекты литературной критики И. А. Ильина : творчество И. А. Бунина, А. М. Ремизова, И. С. Шмелева : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. А. Подмарев. — Нижний Новгород, 2011. — 18 с.

35. *Шешунова С. В.* Национальный образ мира в русской литературе (П. И. Мельников-Печерский, И. С. Шмелев, А. И. Солженицын) : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / С. В. Шешунова. — Петрозаводск, 2006. — 368 с.

Статья поступила в редакцию 04.05.2023,
одобрена после рецензирования 13.06.2023,
подготовлена к публикации 22.06.2023.

References

- Bervenenko, T. V., Zolotykh, Yu. N. (2015). The sanctity and sinfulness of the Russian man as an expression of the antinomy of the heroes of V. A. Nikiforov-Volgin. In: *Slavic writing and culture as a factor of unity of the peoples of Russia: materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference*. Vladikavkaz: Publishing House of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov. 17—25. (In Russ.).
- Boyko, S. S. (2017). V. Nikiforov-Volgin — Russian writer from Estonian Narva. *Questions of literature*, 2: 246—261. (In Russ.).
- Bunin, I. A. (1988). Arsenyev's Life. In: *Sobr. Soch.: in 4 volumes*, 3. Moscow: Pravda. 265—537. (In Russ.).
- Bunin, I. A. (1988). Birds of Heaven. In: *Collected Works: in 4 volumes*, 1. Moscow: Pravda. 453—460. (In Russ.).
- Bunin, I. A. (1988). Lapti. In: *Collected works: in 4 volumes*, 3. Moscow: Pravda. 85—87. (In Russ.).
- Dunaev, M. M. (2002). *Faith in the Crucible of Doubt: Orthodoxy and Russian Literature in the XVII—XX centuries*. Moscow: Publishing Council of the Russian Orthodox Church. 1056 p. ISBN 5-94625-023-X. (In Russ.).
- Esaulov, I. A. (2004). *Paschality of Russian literature: monograph*. Moscow: Krug. 559 p. ISBN 5-7396-0073-1. (In Russ.).
- Ilyin, I. A. (1959). Creativity of I. A. Bunin. In: *About darkness and enlightenment. A book of art criticism. Bunin — Remizov — Shmelev*. Munich. 28—77. (In Russ.).
- Ilyin, I. A. (2007). The essence and originality of Russian culture. Moscow: Russian Book — XXI Century. 15—435. ISBN 978-5-91123-017-3. (In Russ.).
- Ilyin, I. A. (2019). *The singing heart. The Book of Quiet Contemplations. Ed. 11th*. Moscow: DAR. 320 p. ISBN 978-5-485-00181-0. (In Russ.).
- Isakov, S. (19920). *About V. A. Nikiforov-Volgin*. Moscow: Russian Book — Introduction. 5—8. (In Russ.).
- Kazantseva, I. A. (2010). Reflection of sacred space in the works of V. A. Nikiforov-Volgin and V. N. Krupin. *Bulletin of VyatGU*, 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-sakralnogo-prostranstva-v-proizvedeniyah-v-a-nikiforova-volgina-i-v-n-krupina> (accessed 28.03.2023). (In Russ.).
- Konyukhova, A. S. (2021). *Creativity of V. A. Nikiforov-Volgin: poetics of the plot and typology of heroes*. PhD Diss. Voronezh. 201 p. (In Russ.).
- Koshemchuk, T. A. (2009). *Russian literature in the Orthodox context*. Saint Petersburg: Nauka. 278 p. ISBN 978-5-02-025571-5. (In Russ.).
- Lapko, O. (2009). *Artistic embodiment of mentoring in Russian prose of the 1920s—1930s*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 18 p. (In Russ.).
- Letaeva, N. V. (2016). World in prose by V. A. Nikiforov-Volgin. In: *Slavic collection: materials of the 12th All-Russian (with international participation) Slavic readings "Spiritual values and moral experience of Russian civilization in the context of the third millennium"*. Orel: Publishing House of the Orel State Institute of Culture. 77—82. (In Russ.).

- Lisitsa, Yu. T. (2007). The gift of heartfelt contemplation. In: *Ivan Ilyin. Lights of life*. Moscow: Russian Book — XXI Century. 5—17. ISBN 5-268-01393-9. (In Russ.).
- Lyubomudrov, A. M. (2022). Faces of Russia in the works of Vasily Volgin. In: *Verbal art of the Silver Age and Russian Abroad: problems of continuity ("V Smirnov Readings"): materials of the V International Scientific Conference (Moscow State University, February 10, 2022)*. Moscow: Moscow State University. 229—235. ISBN 978-5-7017-3355-6. (In Russ.).
- Lyubomudrov, A. M. (2021). Golgotha country: Artistic historiosophy of Russia in poetry and prose of the Russian abroad. *Russo-Byzantine Bulletin*, 4 (7): 25—40. DOI: 10.47132/2588-0276_2021_4_25. (In Russ.).
- Lyubomudrov, A. M. (2003). *Spiritual realism in the literature of the Russian abroad: B. K. Zaitsev, I. S. Shmelev: monograph*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 272 p. ISBN 5-86007-377-1. (In Russ.).
- Nichiporov, I. B. (2019). *Russian literature and Orthodoxy: ways of dialogue*. Moscow: Synopsis. 287 p. ISBN 978-5-9946-0307-9. (In Russ.).
- Nikiforov-Volgin, V. A. (2018). *Light Matins: A Collection of prose*. Moscow: Siberian Blagovonnitsa. 717 p. ISBN 978-5-906911-76-6. (In Russ.).
- Osmalina, E. A. (2016). Church Slavonic in the autobiographical cycles of V. A. Nikiforov-Volgin. *Russian Speech*, 2: 26—31. (In Russ.).
- Pak, N. I. (2003). *Ancient Russian culture in the artistic world of B. K. Zaitsev*. Kaluga: Publishing House of the Kaluga State Pedagogical University. K. E. Tsiolkovsky University. 178 p. ISBN 5-88725-098-4. (In Russ.).
- Podmarev, E. A. (2011). *Religious and philosophical aspects of literary criticism I. A. Ilyin: creativity of I. A. Bunin, A. M. Remizov, I. S. Shmelev*. Author's abstract of PhD Diss. Nizhny Novgorod. 18 p. (In Russ.).
- Sheshunova, S. V. (2006). *The national image of the world in Russian literature (P. I. Melnikov-Pechersky, I. S. Shmelev, A. I. Solzhenitsyn)*. Doct. Diss. Petrozavodsk. 368 p. (In Russ.).
- Vidmarovich, N. P. (2013). The image of the Easter space in the stories of V. Nikiforov-Volgin and A. Solzhenitsyn: on the problem of transformation. In: *Spiritual tradition in Russian literature: a collection of scientific articles*. Izhevsk: Udmurt University Publishing House. 321—340. (In Russ.).
- Yesaulov, I. A. (1995). *Category of conciliarity in Russian literature: monograph*. Petrozavodsk: Petrozavodsk University Publishing House. 288 p. ISBN 5-230-09032-4. (In Russ.).
- Zaitsev, B. K. Letter to I. A. Bunin dated October 9, 1914. *RGALI. F. 2567. Op. 2. Ed. hr. 289*. (In Russ.).
- Zaitsev, B. K. (1999). Strange journey. In: *Collected works: in 5 vols. St. Nicholas Street: Stories. Stories*, 2. Moscow: Russian Book. 404—425. ISBN 5-224-03715-8. (In Russ.).
- Zaitsev, B. K. (1999). Travelers. In: *Collected works: in 5 vols. St. Nicholas Street: Stories. Stories*, 2. Moscow: Russian Book. 178—209. ISBN 5-268-00402-6. (In Russ.).
- Zakharov, V. N. (2012). *Problems of Historical Poetics: Ethnological aspects*. Moscow: Indrik. 264 p. ISBN 978-5-91674-232-9. (In Russ.).
- Zakharova, V. T. (2023). *Russian Literature in the Context of Russian Religious and Philosophical Thought (Silver Age and Russian Abroad): monograph*. Nizhny Novgorod: Mininsky University. 116 p. ISBN 978-5-85219-287-5. (In Russ.).

Zakharova, V. T. (2014). The poetics of B. K. Zaitsev's prose: a monograph. In: *Russian Literature in the Context of Russian Religious and Philosophical Thought (Silver Age and Russian Abroad): monograph*. Nizhny Novgorod: K. Minin National State Pedagogical University. 167 p. ISBN 978-5-85219-379-7. (In Russ.).

Zolotykh, Yu. N. (2014). The phenomenon of Christian humor in the works of V. A. Nikiforov-Volgin. *Modern problems of science and education*, 5: 5—7. (In Russ.).

*The article was submitted 04.05.2023;
approved after reviewing 13.06.2023;
accepted for publication 22.06.2023.*